

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.065

О. И. НуждинУДК 94(4)“1337/1453” + 929 Генрих(410.1)*5 +
+ 94(44)“1415/1422” + 336.748.5*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

КАК МОГУТ ДЕНЬГИ ПОКОРИТЬ ФРАНЦИЮ? К ВОПРОСУ О МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ КОРОЛЯ ГЕНРИХА V в 1415–1422 гг.

Статья посвящена изучению особенностей монетарной политики английского короля Генриха V на захваченных им территориях Французского королевства в период с 1415 по 1422 г. Цель исследования заключается в установлении ее влияния на состояние финансов Франции и, в первую очередь, на последовавшее за поражением резкое обесценивание серебряных денег. В рамках английской политики можно четко проследить два этапа: первый охватывал время с 1415 по 1420 г., когда монетарная политика носила косвенный характер, воздействуя на французскую экономику фактом завоевания и становясь дополнительным фактором обострения внутривнутриполитической борьбы, и с 1420 по 1422 г., что связано с намерением Генриха V как регента Французского королевства привести финансовую систему в относительный порядок. Для написания статьи использовались французские и английские хроники, «Дневник парижского горожанина», а также ордонансы королей Франции, в которых отражались особенности денежной политики, в частности изменения курса и веса серебряных монет и попытки проведения реформ. В ходе исследования удалось выяснить, что обесценивание французской серебряной монеты было связано с началом завоевания англичанами Нормандии и перехода в их руки расположенных там монетных дворов. Резкое падение курса денег произошло после перехода Парижа в руки бургундцев и формирования осенью 1418 г. самостоятельной финансовой администрации на юге Франции под контролем дофина. Напротив, некоторая стабилизация наметилась после заключения договора в Труа и принятого Генеральными штатами в декабре 1420 г. курса на проведение реформ. Автор установил этапы проведения этой реформы, а также определил, какими причинами было обусловлено ее затягивание. К числу таковых можно отнести: отсутствие контроля за всеми монетными дворами королевства, нехватку монетного металла и необходимого количества квалифицированных кадров. Наконец, преждевременная смерть Генриха V летом 1422 г. не позволила завершить монетную реформу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Столетняя война; Генрих V; монетарная политика; денежные реформы

Ц и т и р о в а н и е: *Нуждин О. И.* Как могут деньги покорить Францию? К вопросу о монетарной политике короля Генриха V в 1415–1422 гг. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.065 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 97–111.

*Поступила в редакцию: 15.02.2020**Принята к печати: 28.09.2020*

Oleg I. Nuzhdin

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

HOW CAN MONEY CONQUER FRANCE? ON THE QUESTION ABOUT THE MONETARY POLICY OF KING HENRY V IN 1415–1422

This article studies the peculiarities of the monetary policy of English king Henry V in the territories of the Kingdom of France occupied by him between 1415 and 1422. The purpose of the study is to establish its influence on the state of finance in France and, first of all, on the sharp depreciation of silver money following the defeat. Within the framework of English politics, two stages can be clearly traced: the first one lasted from 1415 to 1420, when monetary policy was indirect in nature, influencing the French economy by the fact of conquest and becoming an additional factor in the aggravation of the domestic political struggle, and the other one lasted from 1420 to 1422 and was connected with the intention of Henry V as regent of the Kingdom of France, to bring the financial system into relative order. The author refers to French and English chronicles, *The Diary of a Parisian Citizen*, as well as the ordinances of the kings of France, which reflected the peculiarities of the monetary policy, more particularly, changes in the exchange rate and weight of silver coins and attempts to carry out reforms. The study carried out makes it possible to find out that the depreciation of the French silver coin was associated with the beginning of the British conquest of Normandy and the transfer of mints located there. A sharp drop in the money rate occurred after the transfer of Paris into the hands of the Burgundians and the formation in the fall of 1418 of an independent financial administration in the south of France under the control of the dauphin. On the contrary, some stabilisation followed the conclusion of the Treaty of Troyes, and the General States adopted a course towards reforms in December 1420. The author determines the stages of the reform and the reasons for its delay. These include: the lack of control over all the mints of the kingdom, the lack of coin metal and the required number of qualified personnel. Finally, the premature death of Henry V in the summer of 1422 did not allow the completion of the monetary reform.

Key words: Hundred Years' War; Henry V; monetary policy; monetary reforms

For citation: Nuzhdin, O. I. (2020). Kak mogut den'gi pokorit' Frantsiiu? K voprosu o monetarnoi politike korolia Genrikha V v 1415–1422 gg. [How Can Money Conquer France? On the Question about the Monetary Policy of King Henry V in 1415–1422]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 97–111. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.065

Submitted: 15.02.2020

Accepted: 28.09.2020

Данная статья посвящена изучению вопроса о монетарной политике короля Англии Генриха V на захваченных им территориях Франции и ее влияния на состояние финансов короля Карла VI. Начавшиеся в 1415 г. военные действия

между двумя государствами пришлось на крайне неудобное для Франции время, отягощенное противостоянием двух политических группировок — арманьяков и бургиньонов. Названные факторы не могли не сказаться на состоянии финансов королевства и его экономики в целом. Главной характеристикой процесса стало быстрое обесценивание серебряных денег при сравнительно стабильном курсе золотой монеты.

Финансовый кризис 1415–1420 гг. издавна привлекал внимание исследователей. Еще в XIX в. французы изучали его в рамках нумизматических исследований, стараясь выявить типы монет и соотнести их характеристики с тем, что декларировалось в королевских ордонансах [Lecointre-Dupont; Blanchet, Dieudonné; Barrandon, Bompaire]. В свою очередь, английские историки исследовали данную проблему как часть биографии своего короля-воина Генриха V, для которого проведение монетной реформы во Франции являлось и элементом финансовой политики в целом, и способом удержания захваченных территорий. Это направление исследований, получив распространение в XX в., существует и по настоящее время [Allmand]. Тогда же история монетного обращения в Европе, а также его влияние на средневековое хозяйство привлекли внимание экономистов, интересовавшихся, помимо прочего, финансовой политикой государств в годы Столетней войны [Miskimin; Rolnick, Velde, Weber; Sussman]. Наконец, со второй половины XX в. и по сей день монетная реформа Генриха V как регента Франции рассматривается в работах исследователей истории Англо-Французской монархии в 1420–1435 гг. [Sumption].

В данной статье предпринята попытка представить финансовую политику Генриха V в двух аспектах: сначала как завоевателя, а потом как соправителя короля Карла VI. В первом случае она была направлена на подрыв экономики Франции, тогда как во втором, наоборот, на ее восстановление. Но и в том и в другом случаях деньги являлись для Генриха V, помимо армии и дипломатии, самостоятельным инструментом для достижения политических целей.

По мнению хрониста Пьера Фенена, довольно много внимания уделявшего финансовым вопросам, отправной датой кризиса стало поражение французов при Азенкуре в октябре 1415 г. [Mémoires de Pierre de Fenin..., p. 188, 189]. Его слова не следует понимать буквально, так как некоторое время курс денег оставался неизменным. Но военные действия вызвали повышение расходов, одна только безуспешная осада Санлиса, завершившаяся в апреле 1418 г., обошлась казне в сумму около 200 тыс. франков [Journal d'un bourgeois..., p. 86.185], которые компенсировать в обычных условиях было нечем. Окончание кризиса, по словам того же хрониста, пришлось на 1421 г. и, что примечательно, начало и завершение «чехарды» с французской монетой связаны с именем короля Англии Генриха V [Mémoires de Pierre de Fenin..., p. 188, 189–190].

Как известно, права суверена позволяли изыскивать дополнительные источники доходов, помимо обычных. Так, королевская власть во Франции в начале XV в. обладала привилегией на выпуск денег и получение дохода от этого. Таковая заключалась в отдаче распоряжений о начале чеканки новой монеты,

а также в регулировании курса, которое состояло в увеличении или уменьшении ее качества с целью извлечения прибыли [Beaucourt du Fresne, t. I, p. 393–394]. Эти манипуляции считались вполне легальными и не воспринимались населением как нечто незаконное или неправильное. По этому поводу Э. Бутарик написал следующее: «Изменение денег было королевским и сеньориальным правом, признанным в Средние века, и насущные потребности трона и внешние обстоятельства это оправдывали» [Boutaric, p. 325]. Его дополнил П. Виолле, утверждая, что «король дает деньгам цену, которую он хочет, и когда он хочет, он отменяет ее», он то усиливает, то ослабляет деньги, чтобы извлечь из колебаний курса наибольшую прибыль [Viollet, p. 417]. Многие сеньоры, в частности герцоги Бретани и Бургундии, сохраняли право на чеканку монеты из серебра, тогда как золотая монета считалась фьефом короля, и он постоянно стремился превратить монетное дело в свою монополию.

Своим правом устанавливать курс денег Карл VI воспользовался впервые только в 1417 г. Исследователь М. Утар назвал конкретные даты, положившие начало процессу обесценивания серебряных денег — 10 мая 1417 г. и 7 марта 1419 г. [Houtard, p. 129]. Речь в данном случае идет о трех постановлениях Карла VI, первое из которых объявляло о начале чеканки золотых мутонов во всех мастерских королевства и установлении новых курсов золотых и серебряных монет [Ordonnances..., t. X, p. 407–408], а два других касались изготовления эку на монетных дворах Парижа и Турне и изменений цен на золото и серебро [Ibid., p. 508, 508–509]. В результате этих решений мэтрам монетных дворов разрешалось приобретать у менял и купцов золото сначала по цене 92 турецких ливра (вместо прежних 72), а потом — по 103 турецких ливра за марку, а серебро сначала за семь ливров, а с 7 марта 1419 г. — уже за восемь. Нарастающий кризис сопровождался резким увеличением объемов чеканки. Если в период 1412–1417 гг. выпуск серебряных денег монетными дворами колебался в пределах 3 300–5 800 кг в год, то уже в 1418 г. он превысил 11 000 кг, а в следующем — 17 000 кг, немного снизившись — до 15 000 кг — в 1420 г. При этом выпуск золотых монет оставался относительно стабильным — около 500 кг в год [Miskimin, p. 173–174].

Орднонансы 1417 и 1419 гг. обращают на себя внимание тем, что в них в качестве причины, которая привела к вынужденному изменению курса денег и цен на драгоценные металлы названы внешние факторы. Так, в постановлении от 10 мая 1417 г. сказано, что меры предпринимаются «для сопротивления нашему английскому противнику, который вступил в наше королевство с великой силой, и чтобы избежать очень больших опасностей, убытков и неудобств, которые могут последовать в нашем королевстве» [Ordonnances..., t. X, p. 407–408]. Сходные формулировки присутствуют в распоряжениях от 21 октября 1417 г. и 7 марта 1419 г. [Ibid., p. 422, 508, 508–509]. Иными словами, английское вторжение стало определяющим фактором, вызвавшим падение курса французских серебряных денег.

Для защиты своей монополии и в развитие постановлений 14 июня 1417 г. Карл VI отправил письмо баронии г. Мо. В нем говорилось о существовании неких

монетных дворов, выпускавших поддельные монеты (*monnoyes contrefaites*), и лживых и злонамеренных (*faulx et mauvais*) купцах, доставлявших эти поддельные монеты во Французское королевство, «причиняя большое разочарование нам и всему народу нашего королевства и мешая работе наших монетных дворов» [Ordonnances..., t. X, p. 417].

Возможно, имелись в виду монеты герцогов Бретани и Бургундии [Leben in Paris..., S. 347, Anm. 57], хождение которых в Париже король запретил сначала 20 февраля 1417 г. и повторно 23 апреля того же года. «Дневник парижского горожанина» зафиксировал, что «было оглашено, что в Париже запрещено принимать какие-либо иные монеты, кроме королевских, что нанесло большой ущерб жителям Парижа, которые принимали монеты герцога Бретани и герцога Бургундии как и королевские, из-за чего многие купцы, богатые и бедные, и иные люди, имевшие таковые, много потеряли» [Journal d'un bourgeois..., p. 75.154].

Обесценивание денег быстро стало сказываться на экономике Французского королевства. Следует сказать, что политики начала XV в. хорошо представляли себе возможные последствия таких действий. Можно вспомнить цитируемый Э. Бутариком мемуар Пьера Дюбуа, адресованный еще королю Филиппу IV: «Ваши подданные в последнее время понесли и еще будут нести потери из-за изменений денег, но мы не можем сравнивать с ними те, которые они понесли бы в результате войны. Фактически денежные доходы как для дворян, так и для других не возрастают, потому что они получают один денье вместо двух, а с другой стороны, есть вещи необходимые, чтобы обеспечить свою жизнь и себя прокормить. Одеться вдвое дороже, потому что те, кто вывозил деньги, теперь предпочитают вывозить товары, которые они раньше оставляли в королевстве. Они покупают их дороже, потому что есть больше покупателей, и они продают их соответственно: таким образом, присутствие большой армии увеличивает цены на продукты питания... Все подданные являются жертвами изменений денег, кроме принцев» [Boutaric, p. 325, 326]. Все, что было сказано для начала XIV в., полностью подходило для ситуации, сложившейся во Франции столетие спустя.

Уже к концу 1419 г. ситуацию можно расценивать как критическую. Для такого вывода в нашем распоряжении имеются данные двух источников. Во-первых, это протесты жителей г. Турне, где также располагался монетный двор, против обесценивания денег, в чем они усматривали для себя прямую угрозу. Город располагался неподалеку от границы, и многие товары, в том числе и продовольствие, получал из Фландрии и Эно, где французские деньги принимались по их реальной стоимости, а не по фиксированному курсу. На съезде в Аррасе 24 октября 1419 г. декан капитула Турне Гийом Арно объяснил от имени коммуны, что «с прежними деньгами, благодаря их доброкачественности, все люди вступили в торги, и королевство обогащалось. С нынешними деньгами все ухудшилось, и ни добрые города, ни люди не могут поступать так, как надо, и, если это не исправить, будет большая неприятность». Отмечалось попутно, что новые королевские деньги перестали принимать на землях герцога Бургундского, несколько иначе поступали купцы в Эно и Брабанте, существенно занижая их

курс [Extrait..., t. 7, p. 192–193; Houtard, p. 131]. Это привело к существенному росту цен на товары первой необходимости.

Второй источник — «Дневник парижского горожанина». В записях за 1419 г. автор указывал, что курс денег привел к тому, что «купцы еще реже, чем прежде, стали приходить в Париж для торговли, и если кто приходил, тот не мог расплачиваться монетами, которые обращались в то время» [Journal d'un bourgeois..., p. 125.254]. Одновременно фиксируется постоянный рост цен на товары, в первую очередь повседневного спроса. Началось все в сентябре 1417 г. с повышения цен на солесодержащие товары [Ibid., p. 80.166, 81.169], за ними последовали мясо и дрова [Ibid., p. 83.173, 175], а потом и все остальное [Ibid., p. 87.188, 113.228, 116–117.234, 120.240]. Мрачным апофеозом деградации парижской экономики стала высокая смертность среди горожан, «какой не видывали триста лет», осенью 1418 г. [Ibid., p. 115.231]. Не менее ужасным по своим последствиям оказался 1419 г., когда описание бедствий стало занимать у автора дневника целые абзацы, демонстрируя читателю стремительное падение платежеспособности населения столицы Франции [Ibid., p. 120–121.242; 122.245; 122–123.246; 123.247; 124.250; 125.251–252; 129–131.260; 131–132.261].

Падение курса серебряных денег во Франции сопровождалось стремительным ростом цен на серебряные слитки. Дофин и его сторонники, стремясь привлечь купцов как поставщиков драгоценного металла, стали предлагать за него больше денег, чем королевские финансовые служащие. В итоге за короткий срок цена серебра возросла на беспрецедентные 350 % [Sussman, p. 453].

Тем временем король Генрих V приступил к завоеванию Нормандии. Помимо прочих преимуществ оно позволило установить контроль за тремя расположенными на территории герцогства монетными дворами — в Руане, Сен-Ло и в Кане. Уже после захвата Кана 4 сентября 1417 г. Генрих V приступил к чеканке серебряной монеты по типу монет Карла VI с легендой «HENRICUS:FRANCORU:REX», которая со всей очевидностью говорила о масштабах его амбиций. С 12 января 1420 г. с такой же легендой приступили к чеканке монет на монетном дворе Руана, а с 18 апреля 1420 г. — на монетном дворе в Сен-Ло [Lecointre-Dupont, p. 230, 236]. Действия Генриха V осуществлялись в соответствии с кутюмами Нормандии, в гл. 15 которых сказано, что «выпуск денег есть эды денье, которые предоставляются герцогу Нормандии раз в три года сроком на три года, в течение которого он не может изменять монету, ходящую в Нормандии» [Ordonnances..., t. III, p. CIV], но заимствовать королевскую титулатуру он, конечно же, права не имел, хотя и претендовал на нее.

Новые серебряные деньги, выпускаемые монетными дворами Нормандии, имели такой же вес и достоинство, что и королевские до наступления кризиса; они стали использоваться в коммерческих сделках к большому бесчестью короля Франции, потому что она имела легенду: «Генрих, Божьей милостью король Франции» [Chronique du Religieux de Saint-Denis..., t. VI, p. 361, 363]. На этом завершился первый этап монетарной политики Генриха V, проводимой им на захваченной территории Франции. Она охватывала незначительную

территорию, в основном ограниченную пределами герцогства Нормандия, да и то не целиком, и влияла на состояние финансов Французского королевства скорее косвенно, чем напрямую. В частности, сам факт начала завоевания требовал увеличения расходования средств на противодействие ему, что отягощалось обострившимся внутренним противостоянием политических группировок. Результатом стало быстрое обесценивание серебряных денег.

Впрочем, период хождения таких англо-нормандских монет оказался недолгим и прервался уже в мае 1420 г. Как известно, в этом месяце короли Франции и Англии подписали в Труа договор, который наряду с прочим должен был изменить финансовую ситуацию во Франции. Полномочия Генриха V определялись ст. 7 договора в Труа, где говорилось, что «наш сын Генрих... будет управлять бережно, усердно и преданно во имя чести Бога, нашей и нашей супруги, во имя общественного блага, а также защищать, умирять и управлять этим королевством в соответствии с требованиями законности и справедливости, опираясь на совет и помощь великих сеньоров, баронов и дворян названного королевства» [Les grands traités..., p. 105]. Он получил титул регента королевства, которого отныне лишился дофин Карл, что предоставило английскому королю право контроля за всеми финансами Французского королевства. По мнению хрониста Жана Жувенеля дез Урсена, выражавшего позицию сторонников дофина по этому вопросу, король Англии стал «так называемым (*soy disant*) регентом королевства Франции благодаря узурпации» [Histoire de Charles VI..., p. 385].

Преамбула и ст. 1, и ст. 22 определяли статус Генриха V как сына и наследника в форме, звучащей на французском языке как «nostre très chier filz Henry, Roy d'Angleterre, héritier de France» и по латыни как «noster precarissimus filius, Henricus, rex Anglie, heres Francie» («наш дражайший сын Генрих, король Англии, наследник Франции») [Les grands traités..., p. 102, 103, 110]. Исследователи не скупятся на негативные эпитеты в адрес договора в Труа. Так, М. Лекуантр-Дюпон характеризовал его как «самый печально известный в наших анналах», соглашение, поставившее под сомнение законность дофина [Lecointre-Dupont, p. 203]. Хотя ряд факторов требуют пересмотра такой устоявшейся, но по-прежнему односторонней позиции. И в первую очередь следует обратить внимание на то, что после заключения договора в Труа Генрих V отказался от титула короля Франции, ограничившись титулами регента и наследника королевства. В тех условиях подобная оговорка, ограничившая права английского претендента, имела большое значение и ее следует расценивать как победу французской дипломатии. В соответствии с новыми политическими условиями пришлось изменить легенды на выпускаемых в Нормандии монетах, и вместо ранее заявленного королевского титула появился менее амбициозный [Blanchet, Dieudonné, p. 281]. Уже 16 июня 1420 г. Генрих V отправил соответствующее письмо монетным дворам Руана и Сен-Ло, в котором распоряжался о начале чеканки нового гро по 20 турецких денег, снабженного легендой «HENRICUS REX ANGLIE ET HAERES FRANCIE» вместо «HENRICUS:FRANCORU:REX» [Ordonnances..., t. XI, p. 91].

Договор в Труа предварил собой смену монетарной политики Генриха V: отныне ее целью во Франции стало восстановление полноценного монетного обращения. Однако вполне ожидаемо новый финансовый курс встретил сопротивление, и в первую очередь у отстраненного от наследования дофина Карла и его окружения. Дело в том, что под его властью оставалась весьма обширная территория, расположенная преимущественно к югу от р. Луара. Он сохранял за собой титул «генерального лейтенанта» и с 1418 г. проводил независимую финансовую политику, хотя и прикрываясь именем своего отца, короля Карла VI. В распоряжении дофина оказалось около двадцати монетных дворов, тогда как правительство Карла VI и Генриха V могло уверенно рассчитывать только на девять¹. На них продолжалась чеканка «облегченных» монет, поэтому проведение полноценной реформы без восстановления контроля над регионом к югу от р. Луара было невозможно.

Вероятно, первое время еще оставалась надежда, что дофин Карл подчинится статьям договора в Труа, когда обнародование подробностей убийства герцога Бургундии Жана Бесстрашного в Монтеро оттолкнет от него тех его сторонников, кто не желал быть замешанным в соучастии в преступлении. Как полагали Дж. Вайли и У. Воу, выступая против дофина, Генрих V стремился сформировать выгодное по отношению к себе общественное мнение [Wylie, Waugh, vol. III, p. 229] и рассчитывал тем самым избежать новой войны. Но эти надежды не сбылись.

Тогда пришлось сделать еще один шаг и провести формальный процесс. Для этого 23 декабря 1420 г. были созваны Парламент, представители от Генеральных штатов и Университета, привлечены король Карл VI и королева Изабелла Баварская. В качестве места выбрали королевский дворец Сен-Поль, и сам монарх председательствовал на разбирательстве. В качестве обвиняемых заочно предстали лично «так называемый» дофин Карл, а также группа его приближенных — сеньор де Барбазан, Танги дю Шатель, Гийом ле Бутейлер и Жан Луве, президент Прованса. После формального обвинения, зачитанного Никола Роленом, последовали речи Пьера де Мариньи и Жана Агенена, которые постановили предать всех обвиняемых наказанию, когда их поймут, а до той поры их объявляли вне закона, приговаривали к полной конфискации земель и имущества [Monstrelet, t. IV, p. 17–20; Chastellain, t. I, p. 195–197; The First English Life of King Henry the Fifth, p. 164–165; Histoire de Charles VI..., p. 439–440].

Одновременно правительство Карла VI и Генриха V в целях оздоровления экономики и под давлением общественного мнения вознамерилось восстановить выпуск полноценных денег. Генрих V справедливо полагал, что монетная реформа станет наилучшим способом восстановить доверие к прежней власти, укрепит власть новую и погасит недовольство населения. К такому решению его подталкивал также опыт родного Английского королевства, отличавшегося своей монетарной стабильностью [Rolnick, Velde, Weber, p. 10]. По мнению

¹ Турне, Париж, Сен-Квентин, Шалон, Труа, Макон, Невер, Оксерр и Марвежоль.

М. Лекуантр-Дюпона, такими мерами, помимо прочего, можно было бы лишить дофина его доходов [Lecointre-Dupont, p. 206] и принудить к подчинению. Представляется, что это было достижимо только при условии выпуска значительного количества полновесных денег, способных вытеснить с рынка остальные, и установлении длительного периода их обращения.

Первым шагом в деле оздоровления финансов стало издание Карлом VI ордонанса от 13 июля 1420 г., который установил курсы англо-нормандских монет и английского нобля по отношению к парижским [Ordonnances..., t. XI, p. 94]. Новые курсы были обязательны для всех купцов, менял, работников и чиновников королевства, они должны были приниматься «без какого-либо отказа и промедления ... под угрозой наложения штрафа и сурового наказания» [Ibid.].

Для реализации самой реформы король Франции, видимо, по совету Генриха V, опубликовал 19 декабря 1420 г. письмо, возмещавшее о начале чеканки золотых и серебряных монет. Чтобы заручиться поддержкой максимально возможного количества населения в том же месяце созвали «людей трех сословий нашего королевства... в добром городе Париже» [Ibid., p. 109]. Ассамблее сословий после урегулирования политических вопросов, касающихся верности заключенному полгода назад договору в Труа, от имени Карла VI и Генриха V предложили реформу по улучшению финансовой ситуации, вызванной ослаблением денег. Основная вина в «порче» денег возлагалась «на большие мошенничества, злоупотребления и заблуждения, чинимые теми, кто именует себя дофином и его сторонниками, которые... чеканили гро небольшой стоимости, чтобы привлечь этим добрые гро, и тем самым обогатить себя за счет наших хороших монет» [Ibid., p. 133]. Обвинение не лишнее оснований, но все-таки страдающее односторонностью.

Финансирование реформы предполагалось осуществить за счет принудительной талли серебром, распространенной на все податное население. Как писал Жан Жувенель дез Урсен, постановили «обложить некоторым количеством серебряных марок всех состоятельных людей в добрых городах и иных, какими бы они ни были». Способ сбора налога предусматривался следующий: все обязаны сдать на монетные дворы старые монеты по цене ниже их стоимости, причем «за марку серебра, которая стоила восемь франков, давали семь франков и не более, и это была очень тяжелая талль» [Histoire de Charles VI..., p. 385]. Представители Университета пытались протестовать, но Генрих V заставил их замолчать [Picot, t. 2, p. 301].

Но реализацию реформы, в том числе чеканку новых монет, временно отложили, фактически до июня 1421 г. [Lecointre-Dupont, p. 206], а сам сбор средств перенесли на декабрь этого года. За имевшееся время, возможно, предполагалось восстановить контроль над югом королевства, а также заручиться поддержкой штатов Нормандии.

Но дофин не собирался капитулировать. Более того, он расширил сферу своего влияния, разрешив создать новый монетный двор в монастыре Мон-Сен-Мишель. В благодарность за противостояние англичанам и учитывая

бедственное положение аббатства, дофин Карл 9 октября 1420 г. разрешил монастырю чеканку монеты с именем короля по образцу тех, которые выпускались на монетных дворах Карла VI. К сожалению, ордонанс дофина и распоряжения его финансовых комиссаров не позволяют установить, как именно выглядели монеты, чеканенные в Мон-Сен-Мишель [Lecointre-Dupont, p. 205].

Заключение договора в Труа не улучшило, а, наоборот, ухудшило финансовое положение Генриха V. Английский парламент отказал ему в новых субсидиях на том основании, что он добился своей цели и стал наследником короля Франции, поэтому отныне война с дофином и его сторонниками рассматривалась как борьба с мятежными вассалами, к которой английские подданные уже не имели прямого отношения. Тем временем политика на континенте требовала значительных расходов. В частности, деньги требовались на восстановление пострадавших от военных действий городов, на поддержание сельской экономики, а также внутренней и внешней торговли.

Одним из немногих источников дохода, средства от которого можно было направить на продолжение войны, оставался сеньораж, получаемый от чеканки монеты в Англии. Генрих V старался поддерживать ее качество, опасаясь разрушительных последствий для экономики, примером чего оставалась Франция. Уже с 1419 г. его администрация в Кале, а также в иных портах Нормандии и Гиени столкнулась с появлением на своих рынках некачественных монет, а через купцов обесцененные монеты стали проникать в саму Англию. Тогда же возникли проблемы со сбором налогов на континенте, взимавшихся только в «твердой валюте». Население, особенно сельское, не всегда имело возможность уплатить в соответствии с требованиями [Allmand, p. 399].

Прежде чем приступить к реформе в масштабах Французского королевства, хотя бы и в размерах контролируемой англичанами и бургундцами территории, Генрих V решил начать выпуск новых монет в Нормандии. Положение Нормандии определялось ст. 14, 17–19 договора в Труа: она считалась владением Генриха V, но оставалась частью Французского королевства [Les grands traités..., p. 108–109]. Видимо, такой статус герцогства, а также наличие там трех монетных дворов позволяли сделать его центром реформы. На принятие решения повлиял также тот факт, что именно в Нормандию из остальной Франции поступало большое количество обесцененных денег.

В конце 1420 г. Генрих V вместе с женой и братьями приехал в Руан и в середине января 1421 г. собрал Штаты Нормандии в большом зале Руанского замка. Собравшиеся представители сословий одобрили денежную реформу, и монеты, чеканенные в Руане, Кане и Сент-Ло, отныне снабжались легендой «H:REX:ANGL:HERES:FRANC». Она финансировалась так же, как и в остальной северной Франции, по принудительной талле серебром, из расчета, что каждый, кто имеет 20 и более ливров годового дохода, должен принести на монетные дворы по одной марке серебра [Chéruel, p. 80; Allmand, p. 401]. Генрих V потребовал на реализацию реформы 600 тыс. ливров, невзирая на свои прежние обещания отказаться от обременительной финансовой политики во Франции.

Такая сумма оказалась неподъемной для разоренной войной и грабежом провинции, на что жаловался в своей хронике Пьер Кошон [Chronique normande..., p. 343]. На этом основании Штатам Нормандии удалось выторговать снижение размера талы до 400 тыс. ливров, что приблизительно равнялось 60 тыс. фунтов стерлингов [Sumption, p. 717]. Из них четверть (фактически, 85 тыс. ливров) Генрих V рассчитывал получить к началу марта и еще 55 тыс. ливров — к маю [Allmand, p. 401].

Уже в ходе реализации реформы чиновники Генриха V и Карла VI столкнулись с нехваткой монетного металла, в первую очередь серебра. Сложилась парадоксальная ситуация, когда необходимый монетный металл в Нормандию приходилось завозить из Англии, которая сама закупала его на континенте. Дофин для обеспечения потребностей своих монетных дворов использовал все средства, включая банальный грабёж. Его воины нападали на транспорты с серебром и готовыми деньгами, даже следовавшие по территории Северной Франции к местным монетным дворам, т. е. на землях, формально контролируемых англичанами.

По этой причине в начале лета 1421 г. Генрих V приказал укрыть в замке Кана штемпели и монеты, уже отчеканенные на монетном дворе в Сен-Ло, чтобы они не оказались захваченными дворянами Контантена. Дальнейшую чеканку пришлось приостановить, и новые деньги даже в ограниченном количестве в обращение не поступили. Монетная реформа, на которую так рассчитывал сам Генрих V, задерживалась. К чеканке крупных партий монет смогли приступить только с 30 ноября 1421 г. [Lecointre-Dupont, p. 208], когда ситуация немного стабилизировалась и было накоплено необходимое количество серебра. Таким образом, действия дофина и его сторонников задержали практическую реализацию оздоровления финансовой системы минимум на полгода, а в целом — почти на полтора.

Проблему нехватки серебра в течение всего 1421 года решить так и не смогли. Поставки из-за рубежа не покрывали потребности монетных дворов в полной мере, поэтому пришлось провести сбор драгоценного металла у самих жителей, санкционированный сословиями Лангедойля еще в декабре 1420 г.

Сбор талы серебром начался с формальной просьбы со стороны королей Франции и Англии, которые желали ввести в оборот добрые деньги (*bonne monnoie*). По словам хрониста Ангеррана Монстреле, выплачивать были обязаны все слои населения, «люди Церкви, рыцари и оруженосцы, дамы и дамуазели, буржуа и иные, кто имел собственность» [Monstrelet, t. IV, p. 77]. Не обошлось и без злоупотреблений. Особенное недовольство горожан вызвали действия бальи Амьена Робера ле Жюна, а в Париже — первого президента Парламента Филиппа де Морвиля. Если первый установил несправедливые расценки, то второй, как предполагали Дж. Вайли и У. Боу, использовал чересчур радикальные методы сбора серебра [Wylie, Waugh, vol. III, p. 385]. Именно его в «Дневнике парижского горожанина» именовали «самым жестоким тираном из всех людей, когда-либо проживавших в Париже» [Journal d'un bourgeois..., p. 159.322].

Сбор серебра в столице столкнулся со значительными трудностями, даже если учесть, что там он начался с запозданием. За прошедший год многие уже забыли, что на эту меру была дана санкция Генеральных штатов, и некоторые представители духовенства Нотр-Дама утверждали, что никогда не слышали об этом. Однако они, вслед за остальными, вскоре признали законность мероприятия.

Опубликованные Л.-К. Дуйё-Дарком данные свидетельствуют о серьезности изъятий. Из счетов следует, что платить были вынуждены весьма состоятельные и влиятельные лица, и они вносили крупные суммы. Например: Жан Камар, адвокат Парламента, — 4 унции; Жан Мартен, мэтр гарнизона королевы, — 10 марок; Гийом Лами, клерк Счетной палаты короля, — 10 марок; мадам Оржемон, вероятно, жена Пьера д'Оржемона, — 50 марок; Ги Гибо, казначей герцога Бургундии, — 10 марок; Мартель Теста, казначей королевы, — 2 марки; Пьер де Мариньи, исповедник короля, — 10 марок [Choix de pièces inédites..., t. I, p. 420, 426–427]. Общая собранная сумма составила 415 марок, а с учетом расходов на их сбор на монетный двор Парижа поступило только 311 марок [Ibid., p. 424].

Сбор серебра породил много недовольства. Дело в том, что в Париже зима 1420–1421 гг. снова оказалась суровой. В декабре случилось сильное наводнение продолжительностью десять дней, после чего ударил мороз, который остановил водяные мельницы. К природным катаклизмам добавился произвол администрации.

Жесткость, проявленная Филиппом де Морвилем при применении валютных правил и вытекающих из них мер, вызвала всеобщее негодование. Пьера д'Оржемона и Жана Дуля, «двух других тиранов», по словам «Дневника парижского горожанина», также ненавидели, поскольку считалось, что они установили максимальные цены на товары, которые настолько ограничивали торговлю, что ничего нельзя было купить, кроме хлеба и вина [Journal d'un bourgeois..., p. 161.325]. Многие горожане оставили свои дома, продали свои вещи на улице и уехали из Парижа в Руан или Санлис, бежали в леса или даже к арманьякам. Разорившиеся люди просили милостыню, но мало кто подавал, настолько всем было тяжело. Отовсюду звучали проклятия в адрес судьбы или арманьяков, наравне с молитвами об окончании войны [Ibid., p. 162–163.325]. Примечательно, что «буржуа», оставивший нам подробные сведения о настроениях в Париже, никогда не обвинял в бедствиях англичан. Для него единственным источником страданий оставались дофин и его приверженцы.

Еще одним препятствием стала нехватка квалифицированных кадров для монетных дворов, поэтому Генрих V 20 июля 1422 г. письмом приказал разыскать потомков монетных дел мастеров вплоть до четвертого и пятого поколения [Lecointre-Dupont, p. 207–208, 212]. Результаты этой меры неизвестны, но, судя по всему, они вряд ли оказались успешными. В политической неразберихе начала 20-х гг. XV в. не приходилось говорить о какой-либо прочной и устойчивой власти. Ни одна из сторон, как справедливо утверждали Ж.-Н. Баррандон и М. Бомпер, не имела возможности контролировать финансовую администрацию

на местах, а уже тем более работу отдельных мастерских, что создавало почву для злоупотреблений [Barrandon, Vompaire, p. 103, 104].

Преждевременная смерть короля Генриха V в августе 1422 г. не позволила завершить реформу в том виде, как она планировалась. К этому времени англичане и их союзники бургундцы не смогли установить полноценный контроль за всеми монетными дворами королевства, и более половины из них все еще оставались в руках дофина и его сторонников. Вследствие этого вытеснить из обращения неполноценные серебряные монеты не удалось, хотя падение их курса к концу 1421 г. приостановилось. Также не получилось подорвать финансовую самостоятельность дофина. Монетная реформа проводилась в самый разгар кризиса и столкнулась с большими организационными трудностями, потому рассчитывать на быстрый эффект от нее не приходилось. Сам Генрих V, чтобы не подорвать свой авторитет в Англии и во Франции, был вынужден действовать максимально осторожно, идя на уступки там, где это было возможно.

Все это позволяет сделать вывод, что монетарная политика Генриха V, ориентированная на английские образцы, не достигла всех поставленных целей. Одних реформ оказалось недостаточно, чтобы установить полный контроль за страной и устранить противников. Можно утверждать, что политика Генриха V в условиях войны, нестабильности экономики и нехватки монетного металла оказалась менее эффективной, чем действия дофина Карла.

Источники

Chastellain G. Oeuvres / par M. Kervyn de Lettenhove. T. I : Chronique. 1419–1422. Bruxelles : F. Heussner, 1863.

Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI: publiées par le Société de l'histoire de France / éd par L.-C. Douët-d'Arcq. Paris : Chez Jules Renouard, 1863. T. I.

Chronique du Religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / éd. et trad. par L.-F. Bellaguet. Paris : De l'Imprimerie de crapelet, 1854. T. VI.

Chronique normande de Pierre Cochon, nonaire apostolique à Rouen / publ. par Ch. de Robillard de Beaufort. Rouen : Chez A. le Brument, 1870.

Extrait des anciens registres aux délibérations des Consaulx de la ville de Toutnai // Mémoires de la Société historique et littéraire de Toutnai. Juillet 1861. T. 7. P. 5–258.

The First English Life of King Henry the Fifth, written in 1513 by an anonymous Author known commonly as The Translator of Livius / ed. by Ch. L. Kingsford. Oxford : Clarendon Press, 1911.

Les grands traités de la guerre de Cent ans / publ. par E. Cosneau. Paris : Alphonse Picard, 1889.

Histoire de Charles VI, roi de France, et des choses memorables aduenues durant 42. années de son Regne, depuis 1380 jusques à 1422, par Jean Juvenal des Ursins / par D. Godefroy. Paris : l'Imprimerie Royale, 1653.

Journal d'un bourgeois de Paris. 1405–1449 / publ. A. Tuetey. Paris : Chez H. Champion, 1881.

Leben in Paris im Hundertjährigen Krieg. Ein Tagebuch. Frankfurt am Main ; Leipzig : Insel Verl., 1992.

Mémoires de Pierre de Fenin, comprenant le récit des événements qui se sont passés en France et en Bourgogne sous les règnes de Charles VI et Charles VII (1407–1427) / par M. Dupont. Paris : Chez Jules Renouard, 1837.

Monstrelet E. de. Chronique. Paris : Librairie de la Société de l'histoire de France, 1860. T. IV.

Ordonnances des rois de France de la troisieme race, recueillies par ordre chronologique / par. M. Secousse. Paris : l'Imprimerie Royale, 1732. T. III.

Ordonnances des rois de France de la troisieme race, recueillies par ordre chronologique / par. M. Vilevault. Paris : l'Imprimerie Royale, 1763. T. X.

Ordonnances des rois de France de la troisieme race, recueillies par ordre chronologique / par. M. Vilevault. Paris : l'Imprimerie Royale, 1769. T. XI.

Исследования

Allmand Ch. Henry V. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1997.

Barrandon J.-N., Bompaire M. Ecus d'or affaiblis, de 1417 à 1436 // *Revue numismatique*. 1992. T. 34. P. 100–150.

Beaucourt du Fresne G. de. Histoire de Charles VII. Paris : Libraire de la Société bibliographique, 1881. T. I : Le Dauphin. 1403–1422.

Blanchet A., Dieudonné A. Manuel de numismatique française. Paris : Auguste Picard, 1916. T. 2 : Monnaies royales françaises depuis Hugues Capet jusqu'à la révolution.

Boutaric E. La France sous Philippe le Bel. Étude sur les institutions politiques et administratives du Moyen Age. Paris : Henri Plon, 1861.

Chérueil A. Histoire de Rouen sous la domination anglaise au quinzième siècle. Rouen : E. le Grand, 1840.

Houtard M. Les Tournaisiens et le Roi de Bourges. Tournai : Casterman, 1908.

Lecointre-Dupont M. Lettre sur l'histoire monétaire de la Normandie pendant les règnes de Charles VI et de Charles VII // *Revue numismatique*. 1846. P. 194–254.

Miskimin H. A. L'or, l'argent, la guerre dans la France médiévale // *Annales Économiques, sociales, civilisations*. 1985. № 1. P. 171–184.

Picot G. Histoire des États Généraux, considérés au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 à 1614. Paris : Hachette, 1872. T. 1.

Rolnick A. J., Velde F. R., Weber W. E. The Debasement Puzzle: An Essay on Medieval Monetary History // *Quarterly Review*. 1997. Vol. 21. № 4. P. 8–20.

Sumption J. The Hundred Years War. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2017. Vol. IV : Cursed Kings.

Sussman N. Mints and Debasement: Monetary Policy in France during the Second Phase of the Hundred Year's War // *The Journal of Economic History*. 1992. Vol. 52, № 2. P. 452–454.

Vollet P. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris : Libraire de la Société du recueil général des lois et des arrêts, 1903.

Wylie J. H., Waugh W. T. The Reign of Henry the Fifth. Cambridge : Univ. Press, 1929. Vol. III : 1415–1422.

References

Allmand, Ch. (1997). *Henry V*. New Haven; London: Yale University Press.

Barrandon, J.-N., & Bompaire, M. (1992). Ecus d'or affaiblis, de 1417 à 1436. *Revue numismatique*, 34, 100–150.

Beaucourt du Fresne, G. de. (1881). *Histoire de Charles VII* (Vol. I: Le Dauphin. 1403–1422). Paris: Libraire de la Société bibliographique.

Blanchet, A., & Dieudonné, A. (1916). *Manuel de numismatique française* (Vol. 2: Monnaies royales françaises depuis Hugues Capet jusqu'à la révolution). Paris: Auguste Picard.

Boutaric, E. (1861). *La France sous Philippe le Bel. Étude sur les institutions politiques et administratives du Moyen Age*. Paris: Henri Plon.

Chérueil A. (1840). *Histoire de Rouen sous la domination anglaise au quinzième siècle*. Rouen: E. le Grand.

Houtard, M. (1908). *Les Tournaisiens et le Roi de Bourges*. Tournai: Casterman.

Lecointre-Dupont, M. (1846). Lettre sur l'histoire monétaire de la Normandie pendant les règnes de Charles VI et de Charles VII. *Revue numismatique*, 194–254.

Miskimin, H. A. (1985). L'or, l'argent, la guerre dans la France médiévale. *Annales Économiques, sociales, civilisations*, 1, 171–184.

Picot, G. (1872). *Histoire des États Généraux, considérés au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 à 1614* (Vol. 1). Paris: Hachette.

Rolnick, A. J., Velde, F. R., & Weber, W. E. (1997). The Debasement Puzzle: An Essay on Medieval Monetary History. *Quarterly Review*, 21(4), 8–20.

Sumption, J. (2017). *The Hundred Years War* (Vol. IV: Cursed Kings). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Sussman, N. (1992). Mints and Debasement: Monetary Policy in France during the Second Phase of the Hundred Year's War. *The Journal of Economic History*, 52(2), 452–454.

Viollet, P. (1903). *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*. Paris: Librairie de la Société du recueil général des lois et des arrêts.

Wylie, J. H., & Waugh W. T. (1929). *The Reign of Henry the Fifth* (Vol. III: 1415–1422). Cambridge: University Press.

Нуждин Олег Игоревич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-культурного сервиса
и туризма

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: o.i.nuzhdin@urfu.ru

Nuzhdin, Oleg Igorevich

PhD (History), Associate Professor
Department of Social and Cultural Service
and Tourism

Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: o.i.nuzhdin@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-2127-4214